

Обозначения лесного ландшафта в удмуртском языке

А. Н. Ракин

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
anatolij.rakin@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются обозначения лесного ландшафта в удмуртском языке как отдельная микросистема в составе ландшафтной лексики суши, имеющая собственную структурную организацию, обладающая своим составом объектов номинации и предназначенным для их обозначения конкретным набором лексических средств. Данная лексико-тематическая группа анализируется с применением нескольких классификационных критериев, разработанных автором работы – по субстанциональным признакам, по предметно-понятийному содержанию номинативных единиц, по внутренним и внешним источникам формирования и развития исследуемого предмета.

Цель: установить системные признаки обозначений лесного ландшафта и этапы формирования данной отрасли основного словарного фонда удмуртского языка.

Материалы исследования: основным источником фактического материала послужил словарный фонд удмуртского языка, содержащийся в лексикографических изданиях. Дополнительные данные получены в результате опроса некоторых носителей удмуртского языка по специально созданному для этого вопросу.

Результаты и научная новизна. В работе впервые проведён лингвистический анализ одного из компонентов ландшафтной лексики суши удмуртского языка. Исследование показало, что он имеет древние истоки и его основу составляют обозначения исконного происхождения. Иноязычный компонент в составе обозначений лесного ландшафта, сформировавшийся в результате контактирования удмуртов с представителями соседних народов, состоит из небольшого числа поздних заимствований, проникших из трёх внешних источников. Теоретическая и практическая значимость проведённого исследования заключается в том, что технология разработки данной темы, созданной автором статьи, может быть использована на материале других родственных и не родственных языков.

Ключевые слова: удмуртский язык, лексика, обозначения лесного ландшафта, исконный фонд, заимствования.

Для цитирования: Ракин А. Н. Обозначения лесного ландшафта в удмуртском языке // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 710–717.

The designations of the forest landscape in the Udmurt language

A. N. Rakin

*Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS,
Syktyvkar, Russian Federation,
anatolij.rakin@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the paper deals with the designations of the forest landscape in the Udmurt language as a separate microsystem in the landscape vocabulary of the land, which has its own structural organization, its own composition of the objects of the nomination and a specific set of lexical means intended for their designation. This lexical-thematic group is analyzed with the use of several classification criteria developed by the author – on substantive features, on the subject-conceptual content of nominative units, on internal and external sources of formation and development of the object under study.

Objective: to establish the features that distinguish the forest landscape designations from other components of the land vocabulary of the Udmurt language; to determine the composition of the studied group of names and to systematize it; to establish the origins and main stages of the formation and development of this microsystem.

Research materials: the main source of factual material was the vocabulary of the Udmurt language found in lexicographical publications. Additional data were obtained from a survey of some Udmurt speakers by a specially designed questionnaire.

Results and novelty of the research: the linguistic analysis of one of the components of the landscape vocabulary of the land of the Udmurt language was for the first time made. The study showed that it has ancient sources, the designations of primordial origin make its basis. The foreign-language component of the forest landscape designations, formed as a result of the contacts of the Udmurts with representatives of neighboring peoples, consists of a small number of late borrowings, penetrated from three external sources. The practical significance of the study lies in the fact that the technology of development of this topic, created by the author, can be used on the material of other related and unrelated languages.

Key words: the Udmurt language, vocabulary, designations of the forest landscape, primordial fund, borrowings.

For citation: Rakin A. N. The designations of the forest landscape in the Udmurt language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies; 2019; 9 (4): 710–717.

Введение

Обозначения лесного ландшафта представляют собой один из компонентов ландшафтной лексики суши, составными частями которой также являются следующие группы названий: 1) рельефно-ландшафтная микросистема с тремя разновидностями: а) обозначения возвышенностей (*лэгвыр* ‘возвышенность’, *гурезь* ‘гора’, *бордос* ‘холм’, *лэг* ‘бугор’, *изъяр* ‘скала’, *ял* ‘трива’), б) лексика равнинного ландшафта (*чошал* ‘равнина’, *нэжал* ‘долина’, *кушал* ‘поляна’, *луд* ‘поле’), в) лексика низменного ландшафта (*улыг* ‘низменность’, *нюк* ‘овраг’, *уркырем* ‘ров’, *гон* ‘ложбина’), 2) обозначения лугового ландшафта (*возь* ‘луг’, *шур дурысь возь* ‘прибрежный луг’, *ву улэ шедьыльсь возь* ‘заливной луг’, *мучо возь* ‘кочковатый луг’, *турын* ‘трава’, *ожо* ‘дёрн’), 3) обозначения болотного ландшафта (*нюр* ‘болото’, *тульк* ‘верховое болото’, *пукыл* ‘низинное болото’, *нюлэстэм нюр* ‘безлесное болото’, *ардо* ‘трясина’). Каждая из перечисленных микросистем лексики суши имеет свою структурную организацию, обладает собственным составом объектов номинации и предназначенным для их номинации набором лексических единиц.

К изучению темы «Ландшафтная лексика» в пермском языкознании приступили совсем недавно. Первые результаты исследований в данной области, проведённых на материале коми языков, к настоящему времени опубликованы в трёх статьях [9; 10; 11].

Материалы и методы

Предметом нашего исследования являются обозначения лесного ландшафта удмуртского

языка. Данная группа названий состоит из 126 лексических единиц. Основным источником фактического материала послужил словарный состав удмуртского литературного языка, содержащийся в лексикографических изданиях [2; 15; 21; 26; 27]. Сопоставительные примеры приводятся из словарей коми языков [4; 5; 6; 13]. Диахроническая классификация исконной части анализируемой лексики произведена с использованием реконструкций из этимологических источников [7; 23; 24; 25]. Что касается диалектных слов, в работе рассматриваются лишь те из них, которые включены в нормативные словари удмуртского языка, например такие, как *арка* диал. ‘роща’ [21, 46], *кырал* диал. ‘опушка’ [21, 371], *шилё* диал. ‘низкий лес; кустарник’ [21, 766]. Состав названий иноязычного происхождения и их источники устанавливаются с помощью исходных слов, выявленных из соответствующей литературы по русскому, марийскому и тюркским языкам [3; 17; 18; 8; 1; 12; 19; 20; 14]. Дополнительные данные по исследуемой теме нами получены в результате опроса некоторых носителей удмуртского языка по специально созданному для этого вопроснику.

Одним из инструментов разработки генезиса словарного состава, в том числе и ландшафтной лексики, является сравнительно-исторический метод исследования. С его помощью определяется исконный фонд и иноязычный компонент. В составе исконной части такой подход позволяет установить хронологические пласты древней лексики и выявить названия позднего происхождения, не имеющие генетических соответствий в других языках. Анализ слов не исконного происхождения направлен на установление состава заимствований и источников их

проникновения. В работе применялись также синхронно-сопоставительный, описательный методы.

Результаты

По своему семантическому содержанию анализируемая группа лексики лесного ландшафта неоднородна, она состоит из моносемантических и полисемантических названий. Подавляющее большинство слов в данной сфере имеет одно значение и указывает на один объект номинации: *выжы* 'корень' [21, 149], *исамтэ нюлэс* 'девственный лес' [21, 255], *куар* 'лист' [21, 377], *кызо нюлэс* 'ельник' [21, 367], *кыты* 'валежник' [21, 377], *лысо нюлэс* 'хвойный лес' [21, 410], *нюлэс* 'лес' [21, 479], *нюлэс дур* 'опушка' [21, 479], *писту* 'дерево' [21, 528], *ул* 'сук' [21, 689], *яг* 'бор' [21, 408] и т.д. Полисемантические обозначения имеют два и более значений: *векчи тэль* 'мелкий лес, мелколесье; чаща; перелесок' [21, 112], *жсуйы* 'мох; лишайник' [21, 220], *куак* 'кустарник, куст; роща' [21, 335], *лыс* 'хвоя; игла хвои' [21, 409; 15, 310], *тыло* 'подлесок, небольшой лесок; роща' [21, 668], *чашиша* 'чаща', диал. 'лес' [21, 722] и т.д.

Предметно-понятийное содержание обозначений лесного ландшафта представляет собой определённую систему, которая позволяет распределить всю совокупность названий данной категории по отдельным разрядам:

1. Понятие *лес* вообще в удмуртском языке выражается не одним словом, как в коми языках (*вөр* 'лес'), а тремя: *нюлэс* 'лес' [21, 479], *сик* 'лес' [21, 597], *тэль* 'лес' [21, 676].

2. Названия ярусов леса и их составных частей: *пу* 'дерево' [21, 552], *писту модос* 'ствол дерева' [21, 528], *йыл* 'крона' [15, 392], *вай* 'ветка' [21, 99], *ул* 'сук' [21, 689], *лыс* 'хвоя' [21, 409], *лыс вень* 'игла хвои' [21, 113], *куар* 'лист' [21, 337], *выжы* 'корень' [21, 149], *жсуйы* 'мох; лишайник' [21, 220], *куак* 'куст; кустарник' [21, 335], *воль* 'подлесок' [21, 149], *пушьет* 'поросль' [21, 566], *валес* 'подстилка' [15, 739] *кыты* 'валежник' [21, 377].

3. Обозначения лесных типов: *сьодтэль* 'тайга' [21, 622], *лысо нюлэс* 'хвойный лес' [21, 410], *куаро нюлэс* 'лиственный лес' [21, 338], *лысо-куаро нюлэс* 'смешанный лес' [21, 410], *сурд* 'роща' [21, 616].

4. Обозначения растительных сообществ с преобладанием соответствующих древесных

или кустарниковых пород: *кызо тэль* 'ельник' [21, 367], *пужым нюлэс* 'сосняк' [21, 554], *лыстэм пужым нюлэс* 'лиственный лес' [16, 60], *нылпуолык* 'пихтовый лес' [21, 477], *кедра нюлэс* 'кедровник' [21, 288], *кызыпу тэль* 'березняк' [21, 367], *пипуолык* 'осинник' [21, 228], *тыльё инты* 'дубняк' [21, 670], *лулу арама* 'ольховник' [21, 403], *палэзянни* 'рябинник' [21, 510] и т.д.

5. Названия, обозначающие объекты номинации по месту нахождения и его почвенным особенностям: *бёмыр* диал. 'небольшой подлесок округлой формы посреди поля' [21, 75], *кудтыло* 'мелкий лес на сыром месте' [21, 342], *нюро нюлэс* 'заболоченный лес' [16, 59], *яг* 'бор' [21, 808], *нюлэс дур* 'опушка' [21, 479] и т.д.

6. Названия, обозначающие особенности древостоя, его возрастное состояние, те или иные качественные или количественные признаки: *варсэм* 'чаща' [21, 109], *векчи тэль* 'мелколесье' [21, 112], *исамтэ нюлэс* 'девственный лес' [21, 225], *куактэм пужым нюлэс* 'сосняк без подлеска' [16, 60], *чем нюлэс* 'густой лес', *шер нюлэс* 'редколесье' [16, 59], *палда* 'молодняк (о лесе)' [21, 508], *пушьет* 'поросль' [21, 566], *сьод тэль* 'дремучий лес' [21, 479] и т.д.

В составе лексики лесного ландшафта удмуртского языка подавляющее большинство обозначений представляют собой исконные образования. Как и в других пермских языках, исконный фонд имеет древние истоки.

1. Из уральского праязыка удмуртским языком унаследованы следующие слова:

1. *Выжы* 'корень' [21, 149], кз. *вуж* 'корень' [6, 126], кп. *вуж* 'корень' [4, 87] < общеп. **вижз* 'корень' [7, 70]. Имеются генетические соответствия в марийском, ненецком, селькупском и камасинском языках; ур. **wačz* ~ *wančz* 'корень' [23, 548].

2. *Пу* 'дерево' [21, 552], кз. *пу* 'дерево' [6, 536], кп. *пу* 'дерево' [4, 382] < общеп. **пу* 'дерево' [7, 230]. Генетические соответствия имеются в марийском, финском, мансийском, венгерском, селькупском и камасинском языках; ур. **пуи* 'дерево' [23, 400].

3. К числу слов прауральского происхождения в системе обозначений лесного ландшафта относится также название мха, имеющее повсеместное распространение в обоих коми языках: кз. *нитти* 'мох' [6, 433], кп. *нитти* 'мох' [4, 275]. Эти коми слова сопоставляются с ненецкими и энецкими родственными примерами;

ур. **n'uč(k)z* 'лишайник, мох' [23, 326]. Генетические соответствия в удмуртском языке отсутствуют. Для обозначения данного объекта номинации в нём употребляется слово *жуй* 'мох; лишайник' [21, 220], которое имеет более позднее происхождение, чем *нитш*, и входит в иное этимологическое гнездо (см. ниже).

II. Группа обозначений прафинно-угорского происхождения состоит из следующих слов:

1. *Куар* 'лист' [21, 337], кз. *кор* 'лист' [6, 291], кп. *кор* 'лист' [4, 185] < общеп. **kwor* 'лист' [7, 133]. Приводятся примеры из финского, эстонского, саамского и венгерского языков; ф.-у. **korz* 'лист' [23, 187].

2. *Пумель* 'поросль; молодое дерево' [21, 558], кз. *поноль* 'хвойная поросль; молодая ёлка' [6, 154], кп. *понуль* 'хвойная поросль; молодая ёлка' [4, 357] < общеп. **poŋel* [7, 225]. Сопоставляется с марийскими и венгерскими примерами; ф.-у. **rŋiz* 'ель' [23, 416].

3. *Сурд* 'роща' [21, 616], кз. *сорд* 'разновидность леса (роща?)' [7, 261] < общеп. **sörd* 'вид леса' [7, 261]. Коми-зырянское слово в активный словарный запас не входит, встречается лишь в составе некоторых топонимов. В коми-пермяцком языке не употребляется. В качестве генетического соответствия приводится пример из венгерского языка; ф.-у. **sŋrtz-*, **sertz-* [7, 261].

4. *Тэль* 'лес', диал. 'мелкий лес; подлесок; поросль' [21, 676], кз. *тиль* 'болотистое место с низкорослым мелким лесом; густые заросли, чаща' [6, 641], кп. *тэля, тэляин* 'ельник' [4, 502] < общеп. **tel* 'густой подлесок, заросли леса'. Приводится в качестве генетического соответствия венгерский пример; ф.-у. **tŋl'z-* [7, 279].

5. *Яг* 'бор' [21, 820], кз. *яг* 'сосновый лес, сосновый бор, сосняк' [6, 782], кп. *яг* 'молодой сосняк; пихтовый лес; бор' [4, 592] < общеп. **jag* 'бор' [7, 337]. В качестве дальнеродственного соответствия приводятся примеры из хантыйского языка; ф.-у. **jakkz* 'сосновый лес; еловый лес' [23, 88].

Следующие слова финно-угорского происхождения отличаются от рассмотренных выше обозначений тем, что они этимологизируются на материале коми языков без удмуртских примеров, так как в современном удмуртском языке не употребляются, а если и имеются, то к лексике лесного ландшафта не относятся.

6. Кз. *вөр* 'лес' [6, 121], кп. *вөр* 'лес' [4, 83], удм. *выр* 'бугор; холм; вершина' [21, 154] <

общеп. **vor* 'возвышенность, покрытая лесом' [7, 67]. Сопоставляются с финским, хантыйским, мансийским и венгерским примерами; ф.-у. **were (wore)* 'гора' [23, 751]. Первоначальное значение данного прафинно-угорского слова 'гора' сохранилось не только в удмуртском, но и в некоторых других языках, ср. ф. *vuori* 'гора', манс. *ur* 'горный хребет'. Предполагают, что семантическая трансформация в коми языках произошла следующим образом: ф.-у. **were (wore)* 'гора' [23, 751] > общеп. **vŋr* 'возвышенность, покрытая лесом' [7, 67] > кз. кп. *вөр* 'лес' [6, 121; 4, 83]. В настоящее время в удмуртском языке лес обозначается словами *нюлэс, сик, тэль*, которые с коми *вөр* этимологически не связаны.

7. Кз. *егыр* 'заболоченный лес (гл. образом сосновый)' [6, 207], кп. *егыр* сев. 'болотистый лес' [4, 135]. Коми слова сопоставляются с саамскими, хантыйскими и мансийскими примерами; ф.-у. **jänkä* 'трясина, болото' [23, 93].

8. Кз. *лөн* 'валежник' [6, 361], кп. *лөн* 'древесный дряг (сор), нанесённый в половодье' [4, 228]. Коми слова сопоставляются с саамскими, марийскими, хантыйскими и венгерскими примерами; ф.-у. **lŋppz* 'упавшее дерево' [23, 257].

III. Обозначения лесного ландшафта, возникшие в прафинно-пермский период:

1. *Лыс* 'хвоя; ветка' [21, 409], кз. *лыс* 'хвоя' [6, 370], кп. *лыс* 'хвоя' [4, 233] < общеп. **lŋs* 'хвоя' [7, 164]. Слова пермских языков сопоставляются с марийским примером ф.-п. **liskz (lŋskz)*, **liksz (lŋksz)* 'игла (лист), ветка хвойного дерева' [23, 691].

2. *Пушъет* 'поросль, заросль, побег, росток' [21, 566], кз. *пушйод* 'поросль, подрост' [6, 545] < общеп. **puš-* [7, 234]. В коми-пермяцком языке генетическое соответствие отсутствует. Из дальнеродственных примеров в этимологических источниках приводится марийское соответствие *пошаи* 'размножаться, расплодиться'; ф.-у. **pašz-* (**pošz-*) 'расти, всходить' [23, 725].

3. *Жуй* 'мох; лишайник' [21, 220], кз. *рой* 'древесный мох; бородатая вислянка, лишайник' [6, 564] < общеп. **roj* [7, 242]. В коми-пермяцком языке не употребляется. Удмуртские и коми-зырянские слова сопоставляются с марийскими примерами; ф.-п. **rekz (reyz)* 'мох' [23, 744].

4. *Ул* 'сук' [21, 689], кз. *ув* 'сук; ветка, ветвь' [6, 679], кп. *ув* 'сук; ветвь, ветка' [4, 505] < общеп. **ul* 'сук' [7, 295]. Соответствующие

примеры имеются в мордовских языках; ф.-п. **elz* ‘сук; ветвь’ [23, 624].

Кроме рассмотренных выше четырёх названий лесного ландшафта в данную группу обозначений финно-пермского происхождения относятся ещё две реконструкции, произведённые на базе коми слов, так как соответствия в удмуртском языке отсутствуют. Возможно, они были утрачены или заменены другими словами.

5. Кз. *вож* ‘ветка; ответвление’ [6, 109], кп. *вож* ‘ответвление, отросток, побег’ [4, 77] < общек. **vož* [7, 60]. В удмуртском языке нет генетического соответствия. Допермская этимология выводится путём сопоставления с марийским и мордовскими (эрзя и мокша) примерами; ф.-у. **woša* ‘разветвление’ [23, 825]. В современном удмуртском языке ветку обозначают словом *вай* [21, 99], которое с коми примерами этимологически не связано.

6. Кз. *яла* ‘ягель, олений мох’ [6, 783] < общек. **jala* ‘ягель’ [7, 337]. В коми-премяцком и удмуртском языках соответствия отсутствуют. Дальнеродственные примеры приводятся из финского, карельского и саамского языков; ф.-п. **jäkä-lä* ‘лишайник; ягель» [23, 632]. В современном удмуртском языке ягель называют *пужей жуй* [16, 81], букв. олений мох.

VI. Ландшафтная лексика удмуртского языка общепермского происхождения унаследована из прапермского языка-основы, сформировавшегося в результате распада финно-пермского праязыка. Обозначения данной диахронической группы, не имеющих дальнеродственных соответствий, употребляются только в современных пермских языках. В составе названий лесного ландшафта к данной группе древних слов относятся лишь два обозначения:

1. *Сик* ‘лес’ [21, 597], кз. *сикт* ‘деревня, селение, село; островок в лесу, выделяющийся обилием каких-нибудь ягод, грибов’ [6, 591]. В коми-пермяцком языке соответствие отсутствует. Для удмуртского и коми-зырянского слов реконструируется праформа **s'ik* ‘совокупность, множество, группа однородных предметов’ [7, 255]. В значении лес данное слово прапермского происхождения в удмуртском языке, видимо, стало употребляться при его самостоятельном развитии после расхождения с коми языками.

2. *Тыло* ‘подлесок, небольшой лесок, роща; участок земли, расчищенный из-под леса путём выжигания; подсека в лесу’ [21, 688], кз. *тыла* ‘подсека’ [6, 672], кп. *тыла* ‘подсека, рощисть’

[4, 500] < общек. **tūla* ‘подлесок; молодой лес, удобный для расчистки под пашню’ [5, 292]. В коми языках произошло сужение первоначального значения данного слова, в результате чего стало употребляться только для обозначения подсеки, относящегося не к природному, а к антропогенному ландшафтному объекту номинации.

V. В диахронической иерархии анализируемой микросистемы самый верхний или поздний слой составляют собственно удмуртские обозначения лесного ландшафта, возникшие после отделения удмуртов от предков коми. Отличительной особенностью данной категории лексических единиц является то, что они употребляются только в речи носителей современного удмуртского языка, на территории проживания других родственных языков они отсутствуют. По своей структуре собственно удмуртские обозначения представляют собой однословные названия, композиты и составные образования.

Примеры однословных номинативных единиц: *варсэм* ‘чаща’ [21, 109], *вöль* ‘подлесок’ [21, 140], *кыты* ‘валежник’ [21, 377], *кырал* ‘опушка’ [21, 377], *нюлэс* ‘лес’ [21, 479], *палда* ‘молодняк (о лесе)’ [21, 508], *силё* ‘мелкий валежник’ [21, 597], *ишлё* ‘низкий лес; кустарник’ [21, 766] и т.д.

Примеры двучленных композит: *кудтыло* ‘мелкий лес на сыром месте’ [21, 342] (*куд* ‘болото’ + *тыло* ‘подлесок’), *писпу* ‘дерево’ [21, 528] (*пис* ‘полено’ + *пу* ‘дерево’), *сьöдтэль* ‘тайга’ [21, 622] (*сьöд* ‘тёмный’ + *тэль* ‘лес’), *улвай* ‘ветка; сук’ [21, 690] (*ул* ‘сук’ + *вай* ‘ветка’), *силё-сьорно* ‘валежник» [21, 597] (*силё* ‘мелкий валежник’ + *сьорно* ‘кокора, вывороченный пень’).

Примеры составных обозначений, образованных из двух слов: *векчи пужьет* ‘поросль’ [21, 112], *векчи тэль* ‘мелколесье’ [21, 112], *исамтэ нюлэс* ‘девственный лес’ [21, 255], *котырес тэль* ‘островок леса’ [16, 61], *кызо нюлэс* ‘ельник’ [21, 367], *лысо нюлэс* ‘хвойный лес’ [21, 410], *нюлэс дур* ‘опушка’ [21, 479], *погырам писпу* ‘валежник’ [21, 530], *пужей жуй* ‘лишайник’ [16, 81], *пужым яг* ‘сосновый бор’ [21, 829], *тыты нюлэс* ‘дубовый лес’ [21, 670], *чем нюлэс* ‘густой лес’ [16, 59] и т.д.

Примеры составных обозначений из трёх слов: *куактэм пужым яг* ‘сосняк без подлеска’ [16, 60], *лыстэм пужым нюлэс* ‘лиственничный лес’ [16, 60], *лысо-куаро нюлэс* ‘смешанный лес’ [16, 410].

Составной частью ландшафтной лексики удмуртского языка является иноязычный компонент. В системе обозначений лесного ландшафта он составляет небольшой процент и состоит из трёх типов заимствований.

К первому типу относятся 8 слов русского происхождения:

1. *Валёжник* ‘валежник’ [21, 102] < рус., ср. *валежник* ‘хворост, обломанный ветром’ [3, 162].

2. *Волок* ‘лес’ [21, 132] < рус., ср. *волок* ‘лес’ [17, 50].

3. *Роща* ‘роща’ [21, 581] < рус., ср. *роща* ‘небольшой, чаще лиственный лес’ [18, 734].

4. *Тайга* ‘тайга’ [21, 633] < рус., ср. *тайга* ‘полоса диких труднопроходимых хвойных лесов на севере Европы, Азии и Америки’ [19, 311].

5. *Чаща* ‘чаща’ [21, 722], *чашиша* ‘чаща’, диал. ‘лес’ [21, 722], *чашка* диал. ‘роща, густой лес’, *ча́йча* диал. ‘лес’ [21, 745] < рус., ср. *чаща* ‘густой, труднопроходимый лес’ [18, I, 657].

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что источниками для данной группы заимствований послужили как лексика русского литературного языка, так и народные говоры. Следует также отметить, что эти не исконные названия не являются единственными обозначениями соответствующих объектов номинации, а употребляются в удмуртском языке как синонимические варианты исконных слов, ср. *кыты* ‘валежник’, *нюлэс* ‘лес’, *сурд* ‘роща’, *варсэм* ‘чаща’.

Второй тип заимствований составляют названия тюркского происхождения, которые в составе исследуемой лексико-тематической группы занимают также незначительное место:

1. *Арама* ‘роща’ [21, 45] < тюрк., ср. башк. *арамэ* ‘роща’ [12, 471], тат. *арамэ* ‘урема, урёма’ [20, 732; 19, 35].

2. *Арка* диал. ‘роща’ [21, 46] < тюрк., ср. тат. *арка* ‘спина’, башк. *арка* ‘спина, спинка; хребет

горы’ [22, 112]. Как видим, между удмуртским и тюркскими исходными примерами нет полного семантического соответствия.

3. *Куак* ‘устарник; куст; роша’ [21, 335] < тюрк., ср. тат. *куак* ‘куст, кустарник’ [20, 291], башк. *кыук* ‘куст’ [1, 364].

Из числа обозначений лесного ландшафта, проникших из соседних тюркских языков, один пример (*арка*) имеет территориально ограниченное употребление, остальные два (*арама*, *куак*) получили в удмуртском языке повсеместное распространение.

Третий тип неисконной лексики представлен одним заимствованием из марийского языка: *чалук* диал. ‘березняк’ [21, 719] < мар. *чалук* ‘березняк’, *чаул* ‘берёза’ [8, 144].

Обсуждение и заключение

Исходя из выше изложенного, следует отметить, что одним из основных системных признаков рассмотренных в статье названий лесного ландшафта является их принадлежность лексике суши удмуртского языка. Как самостоятельное структурное образование, данная микросистема обладает своим составом объектов номинации и предназначенным для их обозначения набором лексических единиц. Исследование также показало, что её формирование и развитие проходило на всех важнейших этапах эволюции удмуртского языка — в прауральскую, прафинно-угорскую, прафинно-пермскую, прапермскую эпоху и в последующие периоды. Подавляющее большинство номинативных единиц относится к исконному фонду словарного состава. Иноязычный компонент, возникший в результате контактирования с соседними народами, состоит из небольшого числа поздних заимствований, проникших из русского, марийского и тюркских языков.

Сокращения

Башк. – башкирский язык, диал. – диалектное слово, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, мар. – марийский язык, общек. – общекоми язык-основа, общеп. – общепермский язык-основа, рус. – русский язык, сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка, тат. – татарский язык, тюрк. – тюркские языки, удм. – удмуртский язык, ур. – уральский праязык, ф.-п. – финно-пермский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык.

Список источников и литературы

1. Башкирско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 804 с.
2. Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. 384 с.

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989. Т. 1. 699 с.
4. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз. 1985. 624 с.
5. Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд.-во, 1993. 288 с.
6. Коми-роч кывчукör. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 2000. 816 с.
7. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во., 1999. 430 с.
8. Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южно-удмуртского наречия (сб. ст.). Ижевск: [б. и.], 1978. С. 86–151.
9. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми языка // Северно-русские говоры. 2018. Вып. 17. С. 107–122.
10. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 2. С. 252–261.
11. Ракин А. Н. Ландшафтная лексика суши в коми языке (обозначения возвышенностей) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: сборник по материалам VI Всероссийской науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 142–146.
12. Русско-башкирский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 600 с.
13. Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.
14. Русско-татарский словарь / Под ред. Ф.А. Ганиева. М.: Рус. яз., 1984. 736 с.
15. Русско-удмуртский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 1360 с.
16. Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь / Под общей редакцией Р. Ш. Насибуллина. Сыктывкар: ГОУ ДПО КРИОиПК, 2007. 154 с.
17. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука. Ленин отд-ние, 1970. Вып. 5. 342 с.
18. Словарь русского языка: в 4-х томах / Под редакцией А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 3, 752 с.; Т. 4, 794 с.
19. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 171 с.
20. Татарско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 863 с.
21. Удмуртско-русский словарь. Ижевск: РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с.
22. Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988. 240 с.
23. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band 1–2. Budapest: Akademiai Kiado, 1988. 906 s.
24. Uotila T. E. Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1938. 198 s.
25. Wichmann Y. Etymologisches aus den permiscvhen Sprachen // FUF. 1924. no. XVI. S. 185–212.
26. Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathi mit Glossar. Helsinki: [w/p], 1954. 167 s.
27. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Y. Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen.. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1987. 422 s.

References

1. *Bashkirsko-russkij slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow: Gos. izd.vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1958. 804 p. (In Bashkir, Russian)
2. Borisov T. K. *Udmurt kyll'ukam=Tolkovyj udmurtsko-russkij slovar'* [Udmurt-Russian explanatory dictionary]. Izhevsk: Udm. in-t IGAL UrO AN SSSR Publ., 1991. 384 p. (In Udmurt, Russian)
3. Dal V. *Tolkovyj slovar' zhivogo russkogo jazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1989. Vol. 1. 699 p. (In Russian)
4. *Komi-permjatsko-russkij slovar'* [Komi-Perm-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1985. 624 p. (In Perm, Russian)
5. *Komi-permjatsko-russkij i russko-komi-permjatskij slovar'* [Komi-Perm-Russian and Russian-Komi-Perm dictionary]. Kudymkar: Komi-Permjatskoje kn. izd-vo Publ., 1993. 288 p. (In Perm, Russian)
6. *Komi-roch kyvchukör* [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 2000. 816 p. (In Komi, Russian)
7. Lytkin V. I., Gulyev Ye. S. *Kratkij etymologicheskij slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1999. 430 p. (In Komi, Russian)
8. Nasibullin R. Sch. *Nabludenija nad jazykom krasnoufimskih udmurto* [Observations on the language of the Krasnoufimsk Udmurts]. *O dialektah i govorah juznoudmurtskogo narecsija (sbornik statej)* [About dialects and subdialects of the South Udmurt dialect (collection of articles)]. Izhevsk: [w/p], 1978. pp. 86–151. (In Russian)
9. Rakin A. N. *Gidrolandschaftnaya leksika komi yazyka* [Hydro-landscape vocabulary of the Komi language]. *Severno-russkie govory* [The Northern Russian dialects], 2018, no. 17, pp. 23–28. (In Russian)

10. Rakin A. N. *Gidrolandschaftnaya leksika komi-permyskogo yazyka* [Hydro-landscape vocabulary of the Komi-Perm language]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University], 2019, no. 13 (2), pp. 252–261. (In Russian)
11. Rakin A. N. *Landschaftnaya leksika suschi komi yazyka (oboznatseniya vozvyschenosyey)* [Landscape vocabulary of land in the Komi language (designation of hills)]. *Finno-ugorskiy mir v polietniceskom prostranstve Rossii: kulturnoye naslediyе i novyye vyzovy: sbornik statej po materialam VI Vserossijskoj naucsnoj konferencii finno-ugrovedov* [The Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: collection of materials of the VI All-Russian scientific conference of Finno-Ugric experts]. Izhevsk: Izd-vo Anny Zeleninoy Publ., 2019. pp. 142–146. (In Russian)
12. *Russko-bashkirskij slovar'* [Russian-Bashkir dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoje izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1954. 600 p. (In Russian, Bashkir)
13. *Russko-komi slovar'* [Russian-Komi dictionary]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 2003. 1104 p. (In Russian, Komi)
14. *Russko-tatarskij slovar'* [Russian-Tatar dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1984. 736 p. (In Russian, Tatar)
15. *Russko-udmurtskij slovar'* [Russian-Udmurt dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoje izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1956. 1360 p. (In Russian, Udmurt)
16. *Sistemno-tematiceskij russko-udmurtsko-komi slovar'* [System and thematic Russian-Udmurt-Komi dictionary]. Syktyvkar: GOU DPO KRIROiPK Publ., 2007. 154 p. (In Russian)
17. *Slovar' russkih narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian folk dialects]. Leningrad: Nauka; Len. otd. Publ., 1970. Vol. 5. 342 p. (in Russian)
18. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomah* [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Ed by. A. P. Yevgenyeva. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981–1984. Vol. 3, 752 p.; Vol. 4, 794 p. (In Russian)
19. Tarakanov I. V. *Udmurtsko-tjurskije jazykovye vzaimosvjazi* [Udmurt-Turkic language relationships]. Izhevsk: Izd-vo Udm. Un-ta Publ., 1993. 171 p. (In Russian)
20. *Tatarsko-russkij slovar'* [Tatar-Russian dictionary]. Moscow: Sov. Jenciklopedija Publ., 1966. 863 p. (In Tatar, Russian)
21. *Udmurtsko-russkij slovar'* [Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: Udm. in-t IGAL UrO RAN Publ., 2008. 925 p. (In Udmurt, Russian)
22. *Etimologičeskij slovar' udmurtskogo jazyka* [Etymological dictionary of the Udmurt language]. Izhevsk: NII pri SM UASSR Publ., 1988. 240 p. (In Udmurt, Russian)
23. Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bande 1–2. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 906 p. (In German)
24. Uotila T. E. *Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis*. Helsinki: System and thematic Russian-Udmurt-Komi dictionary, 1938. 198 p. (In German)
25. Wichmann Y. Etymologisches aus den permiscvhen Sprachen. *FUF*, 1924, no. XVI, pp. 185–212. (In German)
26. Wichmann Y. *Wotjakische Chrestomathi mit Glossar*. Helsinki: [w/p], 1954. 167 p. (In German)
27. *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Y. Wichmann*. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1987. 422 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ракин Анатолий Николаевич, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), доктор филологических наук.

anatolij.rakin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3371-3560

ABOUT THE AUTHOR:

Rakin Anatolij Nikolaevich, Chief Researcher of the Language Sector of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS (167982, Russian Federation, the Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Doctor of Philological Sciences.

anatolij.rakin@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3371-3560